

Историческая культурология

DOI 10.34685/ИИ.2022.63.22.026

Шаронов В.И.

**Анатолий Ванеев: «Понимание возвышает душу»
(история семьи и творчества ученика Льва Карсавина)**

Аннотация. *Статья представляет собой первое подробное исследование жизненного и творческого пути Анатолия Ванеева, автора значительной книги «Два года в Абези», посвященной последнему этапу жизни крупнейшего русского религиозного философа, ученого и поэта Льва Карсавина. Ванеев сам состоялся как самостоятельный мыслитель и заметная фигура в истории своей семьи и истории великой культуры России. В основу исследования положен найденный личный архив семьи, который долгой время считался утерянным. Большая часть сведений воссоздана на основе ранее неизвестных документов архива.*

Статья охватывает период со второй половины XIX века, когда дед главного героя Анатолий Александрович Ванеев сблизился с участниками петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он стал соратником и личным другом В.И. Ленина и многих крупных революционеров, был сослан в Сибирь и там умер от туберкулеза. В период СССР он входил в пантеон самых важных лиц истории коммунистической партии.

Анатолий Ванеев прошел через испытания войны, был ранен, арестован и несправедливо осужден. В статье показано, как, несмотря на испытания, он последовательно и всю жизнь занимался самообразованием, учился мыслить. Встреча с Карсавиным открыла в Ванееве дар самостоятельной мысли, сделала подлинным мыслителем. Его книга «Два года в Абези» ошибочно воспринимается как мемуары: она представляет собой оригинальный портрет Карсавина и собственное религиозно-философское размышление Ванеева о жизни. Вся книга подчинена главной цели – заставить читателя размышлять и искать высший смысл своей жизни, высшее призвание культурного творчества каждого человека.

Ключевые слова: *Анатолий Ванеев, Лев Карсавин, круг Анны Ахматовой, Николай Пунин, Эраст Глинер, русская религиозная философия, Абезь.*

*Думаешь ли ты, что этот мир приводится в движение
лишенными смысла и случайными причинами?..
Северин Бозэций. «Утешение философией»*

В историю русской культуры Анатолий Анатольевич Ванеев (1922-1985) вошел, прежде всего, в качестве важного для истории русской культуры автора книги о последнем этапе жизни религиозного философа, ученого и поэта Льва Платоновича Карсавина (1882-1952) «Два года в Абези». Пожалуй, только специалисты сегодня помнят, что он приходился родным внуком человеку, стоявшему у истоков русского марксизма Анатолия Александровича Ванеева (1872-1899). О последнем в обязательном порядке рассказывалось во всех школьных учебниках, как о заметной фигуре истории Коммунистической партии Советского Союза. Из приведенных дат жизни этих людей видно, что в 2022 г. исполняется несколько юбилейных дат рождения и смерти вышеперечисленных людей. Случайно или нет, но этот текущий год был к тому же отмечен обнаружением личного архива Анатолия Ванеева. Долгие годы архив считался утерянным. Разбор более пяти тысяч документов, по большей части рукописных, оказался делом трудным. Эта работа далеко не завершена, ее продолжают сотрудники Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Но уже сейчас, благодаря разрешению наследников А.А. Ванеева на использование и публикацию материалов архива, можно ознакомиться с наиболее полным вариантом семейной истории, биографии и вехами творческого пути А.А. Ванеева – ученика и последователя Л.П. Карсавина.

Большинство людей, знавших Анатолия Анатольевича Ванеева в 1970-х и 1980-х гг. и раньше, воспринимали его только как скромного школьного педагога. До ареста с 1943 г. он работал в ленинградской школе № 33, в нее же и вернулся после реабилитации. С 1960 г. преподавал физику в школе № 30, с 1968 по 1976 гг. трудился заведующим кабинетом физики в институте усовершенствования учителей. Мало чем примечательные этапы жизни советского школьного педагога периода с 1930-х по 1970-х гг. Разве что его ученики восхищались тем, как он мог пробудить в них способность самостоятельно думать и чувствовать [1], откровенно, по-взрослому, говорить на темы за пределами учебной программы [2]. И то, и другое, как известно, не очень-то поощрялось учителями в те годы.

Что касается людей старшего поколения, то они могли понаслышке знать об особой судьбе Ванеева, но только очень немногие знали подробности его ареста и десятилетнего опыта сталинских лагерей. И лишь самые близкие друзья были посвящены в то, что Ванеев давно и сосредоточенно живет идеями Льва Платоновича Карсавина.

Сложной, исполненной крутых поворотов судьбы сложилась не только фактическая биография Анатолия Ванеева, непростой оказалась и траектория его духовного и интеллектуального движения к самому главному в себе. Первый, юношеский этап сопровождался атмосферой второй половины 30-х гг. XX века с ее сгущенным присутствием марксизма-ленинизма, насаждавшегося во всех сферах науки, образования и культуры. Ванеев старательно и основательно усваивал сугубо советские представления о теории и практике, свидетельством чему был школьный

аттестат с отличием и отметкой о праве поступать в любое высшее заведение без экзаменов [3]. Иного результата от единственного внука человека, воспетого в официальной истории революционного движения, ни в семье, ни в школе и не ждали.

* * *

Судьба Анатолия Александровича Ванеева и его фигура выделяется значимыми, яркими эпизодами даже на фоне множества ярких биографий деятелей русского марксизма. Из коротких 27 лет жизни семь он прожил самостоятельно, в отрыве от родителей, а из этих семи лет два года пришлось на Минусинскую ссылку, и еще до нее Ванееву пришлось провести почти год в тюремной одиночке.

Его путь в рабочем движении отмечен очень близкой дружбой с В.И. Лениным, Н.К. Крупской, Г.М. Кржижановским, братьями Красиными и др. Анатолий Александрович тепло упоминается в 17 из 85 писем В.И. Ленина периода сибирской ссылки [4]. Некоторые из них поражают непривычной для Ленина теплотой, мягкостью человеческой интонации по отношению к другу и соратнику.

С первыми русскими марксистами он, нижегородец с архангельскими корнями [5], познакомился совсем юным в 1890 г. Через 3 года он сдал экзамены в Технологический институт в Петербурге по специальности инженера-механика, но не только ради диплома, а для возможности «бывать в гуще рабочих» [6].

О личных качествах молодого человека говорит уже то, что среди множества ссыльных, оказавшихся в Минусинском крае, жандармы выделили Ванеева особенно: «... Самая вредная личность из числа всех гласно-поднадзорных по своему влиянию на людей, приходящих в соприкосновение с ним» [7]. Сохранились свидетельства, указывающие и на сильный характер Ванеева, и на казавшиеся ссыльным «сверхсуровыми» нравы, царившие на поселении. Анатолий Александрович смело и прямо обвинил вновь назначенного исправника в неуважении к законам Российской Империи (!), поскольку тот попытался запретить ссыльному... иметь ружье (!!) и даже посмел не отдать оружие (!!!) [8]. Пройдет совсем немного времени, и партийные историки начнут, сгущая все краски, убеждать и юных и взрослых советских граждан о былых непереносимых преследованиях большевиков жестокими царскими сатрапами. Иметь «политическому» ружье, чтобы иногда обеспечить себя мясом или птицей? Внук Ванеева, после установления власти соратников его знаменитого деда, сам став политическим ссыльным, научится радоваться возможности по случаю попробовать морошки, брусники, голубики, этого «противоядия от цинги, созданному самой тундрой» [9]. А многим лишенцам, как известно, останется бороться с этой болезнью отваром сосны или даже, через силу жуя хвою, как это было в блокаду...

Красноярский художник С.Е. Орлов (1929-2003), тронутый историей дружбы Анатолия Александровича Ванеева и его товарищей по петербургскому «Союзу борьбы за освобождения рабочего класса» [10], их заботой о нем, угасающем от чахотки, подробностями прощания с ним и попыткой сохранить о нем память в вечности отлитием тяжелой чугунной плиты, создал

удивительное для времени появления – 1970 г. – полотно «Похороны Ванеева». Поразительно, что эта картина, созданная к 100-летию юбилею Ленина, выполнена так, что в ней сразу просматривается композиционное решение деисуса в русской иконографии: атеисты – земной бог мирового пролетариата и его соратники – апостолы будущей революции – изображены с аскетически удлинёнными, ритмически расположенными фигурами, молитвенно склонившими головы над гробом Ванеева. А в силуэте вдовы Доминики Васильевны Труховской-Ванеевой (1874-1920), расположенной над гробом у ног собравшихся сразу опознаётся Пьета, склонившаяся в своем горе. Несомненно, Анатолий Анатольевич знал воспоминания участников похорон своего деда, поскольку в книге о Карсавине можно расслышать скрытую переключку между описаниями двух похорон, разделённых половиной столетия – в селе Ермаковское (Красноярский край) и на лагерном кладбище близ станции Абезь (Коми АССР) [11].

* * *

Сын Доминики Васильевны и Анатолия Александровича, названный Анатолием в память о безвременно ушедшем отце (1899-1941), не очень много времени уделял воспитанию собственного сына, будущего ученика и последователя Льва Карсавина. Он без остатка посвятил себя лихорадочной работе по созданию советской радиопромышленности. Инженер-электрик, он стал одним из первых ведущих сотрудников Нижегородской радиолaborатории М.А. Бонч-Бруевича, из которой позже выросло большое количество закрытых предприятий. Институт входил в Наркомат авиационной промышленности и разрабатывал радиоэлектронную продукцию двойного назначения – военного и гражданского [12]. Как незаурядного инженера со знанием языка, Ванеева-старшего на длительное время (1937-1938) направили в США для освоения новейших технологий использования керамики в энергетической промышленности. Его письма из-за океана сохранились, их содержание выявляет натуру очень практическую, сосредоточенную на бытовой стороне жизни, хоть и не лишённую скромных увлечений шахматами, покером, филателией и чтением художественной литературы. Конечно, пусть и не часто, он вспоминает о Топке (домашнее имя сына), тогда преодолевавшим непростой рубеж юного возраста.

В первые дни войны отец Анатолия Ванеева был направлен в качестве консультанта по средствам связи в распоряжение командования Ленинградского фронта. В ноябре 1941 г. стал политбойцом [13] в 54-м отдельном батальоне связи 6-й бригады морской пехоты, сформированной для усиления частей Ленинградского фронта в районе «Дороги жизни», и через месяц пропал без вести в обстановке тяжёлых боев.

Для Ванеева-младшего единственным человеком, способным понять и оценить его [14] с юношеских лет и до самой смерти, была мать Фелицата Александровна (в девичестве Арефьева, 1898-1959). Она была золотой медалисткой Сызранской женской гимназии, но всю жизнь проработала машинисткой. В семейном архиве сохранились сотни нежных и подробных писем к ней, написанные любящим сыном из путешествий, с фронта, из госпиталей, из заключения. По

этим письмам можно проследить вехи интеллектуального и культурного развития А.А. Ванеева до его встречи с Л.П. Карсавиным.

К началу Великой Отечественной войны Ванеев уже почти год находился на срочной службе, на которую был призван со второго курса дневного отделения химического факультета Ленинградского университета. Проходил он ее в пригороде города на Неве, так что при отправке на фронт осенью 1941 г. командиром пулеметного расчета Ванееву далеко следовать не пришлось. А в конце декабря он был доставлен назад в блокадный город, в госпиталь. Последовали многочисленные операции, которыми врачи пытались победить остеомиелит, развившийся от занесенной в рану на ноге инфекции. Ванеев то возвращался к службе, то опять попадал на больничную койку. Но и на свободе, и позже, в лагере, он постоянно и самым интенсивным образом подвергал себя разнообразной интеллектуальной нагрузке.

Ванеев никогда не был, как об этом писалось ранее, участником литературного кружка при Ленинградском отделении Союза советских писателей. Он лишь однажды, в январе 1945 г. принял участие в вечере Студии начинающего автора при ССП. Он и его друг юности Эраст Борисович Глинер (1923-2021), будущий выдающийся советский и американский астрофизик, автор теории, получившей имя «Вакуум Глинера-Энштейна», тогда, в 1945-м, просто мечтали стать писателями. Как все дерзкие и начинающие, они не чурались критических оценок об издаваемых членами СП произведениях. Это использовали осведомители [15]. 13 марта 1945 г. Анатолий Ванеев как «участник конспиративной литературной группы, стремящейся уничтожить Советскую власть и советскую литературу, реставрировать капитализм» (!) был арестован.

После короткого следствия твердые убеждения сознательного комсомольца Ванеева, достойного внука своего прославленного деда о необходимости безусловного сочетания в литературном творчестве принципа большевистской партийности, требований художественности и правды, военный трибунал [16] оценил в 10 лет лагерей. По этому же делу и по тем же статьям 58-10 ч. II и 58-11 был осужден Б.Э. Глинер. Наивные письма Фелицаты Александровны к высшим руководителям партии и правительства с просьбой о пересмотре дела сына – со ссылкой на родство с другом В.И. Ленина – никакого результата не дали.

* * *

До войны, затем в госпиталях и в лагерях Ванеев постоянно самосовершенствовался. Он углублял свои познания в немецком языке, изучал латынь, французский, читал книги по теории литературы и музыки, истории мировой живописи, греческой мифологии, периодически погружался в работы философов Просвещения, а после знакомства с Карсавиным уже систематически – в труды мыслителей Средневековья и современности, многих изданных немецком языке. Он освоил логику, изучал высшую математику, проективную геометрию, химию и астрономию, овладел нотной грамотой и научился играть на мандолине, сочинял стихи и музыку к своим романсам... Он эпизодически делал наброски карандашом, писал стихи, рассказы и часто посылал матери результаты творчества. Такой широкий разброс интересов указывает на

природную одаренность Ванеева, интуитивно искавшего в себе главный центр приложения творческих сил. Эту задачу для Ванеева решила встреча с Карсавиным.

Представление о том, каким будущий религиозный мыслитель Анатолий Ванеев был до этой встречи, можно получить по письму к матери в пасхальный день 1946 г. Оно было отправлено из его первого лагеря близ железнодорожного разъезда Козье (Архангельская обл.) и по дате написания почти совпало с годовщиной пребывания Ванеева в неволе: «Мои взгляды радикально материалистические, и, между тем, я знаю, что немощь одинокого человека пред общественными мнениями понуждает его искать особой силы внутри себя – верить в нее и уповать на нее; так было и так будет, такова духовная природа человека.

Я очень склонен верить в то, что есть нечто, что можно было бы назвать Высшей справедливостью. Я понимаю ее не как нечто сверхчувственное, но просто: как общий принцип равновесия. Равновесие между людьми есть справедливость. Я серьезно и уважительно отношусь к людям подлинно религиозным, для которых возможность отпущения грехов не есть основание жить в беззаконии. И тем более раздражает меня нарочитая, показная условность, как религиозная, так и всякая другая» [17].

Свои первоначальные мировоззренческие, в т.ч. литературные взгляды и вкусы, сформированные у него в атмосфере крайне политизированной социалистической культуры 1930-1940-х гг., стремящейся очиститься от всего «буржуазного» и «не классово пролетарски ориентированного», Анатолий Ванеев преодолел не сразу, как не сразу он вошел в регистр философского умозрения. В первых попытках самостоятельно мыслить, в записях, сделанных сразу после смерти Льва Платоновича, им еще владеют вполне узнаваемые советские или вообще наивные представления о том, как должен писать литератор: «Учитель, светлый мир твоего разума открылся мне так непоправимо поздно! Пока ты был жив, уши мои внимали твоим словам, разум же не достигал вместить прекрасный их смысл. И только вот теперь, когда смерть разлучила нас, когда тело твое пожерто [18] земле, когда тебя уже нельзя ни видеть, ни слышать, ни ощутить, – разве только душа некоторым образом чувствует твое присутствие, – теперь, читая твои рукописи, я разумею, постигаю, наполняюсь твоей мыслью, но поздно! Поздно! <...> Гамлету являлся его отец; соприкосновение с отцом, посмертно существующим, являло чувствам сына призрачный образ, тень прошлого...» [19]

Но не все было совершенно неудачным и не все было отмечено срывом вкуса. Так Анатолий Анатольевич, например, пишет матери, что зачитался воспоминаниями Аксакова, восхищен красотой языка «бесхитростного и правдивого» [20]. В другом подобном письме упрекает в надуманности «Золотой ключик» Алексея Толстого, где «все дотошная, бутафорская выдумка, деревяшка, выкрашенная под вид хлеба», и совсем другое дело сказки Андерсена, лишённые бутафории и имеющие самый серьезный смысл» [21].

Постепенно требование простоты и ясности и в мысли, и в тексте все больше захватывает Ванеева, слог его острится и очищается так, что некоторые, вновь рожденные самые простые

строчки из записок того абезьско-интинского периода с небольшими изменениями через тридцать лет он сможет использовать в окончательном варианте книги «Два года в Абези» [22]: «8 августа 1980 года на станции А*** из этапного товарного вагона высадилась толпа несчастных, оглушенных неизвестностью и свирепыми криками конвоя. В лагере их водворили в карантин, и тотчас стало известно, что старик с реденькой узкой бородой – это К.....н. Он прогуливался тихонько вдоль проволочной ограды: в берете, в помятом пальто, худобой фигуры похожий на аскета или факира. Из тюрьмы К.....а привезли в крайнем истощении; у него открылся появившийся смолоду в легких туберкулез. Но и больной, ослабший, скоро утомляющийся, он не мог быть праздным. И в этих условиях он был способен к углубленной и отрешенной работе мысли. Полусидя в постели, в черной академической шапочке, он писал карандашом на четвертушках бумаги, оттачивая карандаш осколком стекла» [23].

20.10.1954 г. закончился лагерный срок Ванеева, он получил статус ссыльного, оставив за спиной 9 лет 7 месяцев и 7 дней жизни в заключении [24]. В письмах матери он проводит параллели своей судьбы с Ф.М. Достоевским, освобожденным ста годами раньше [25] и тоже начавшим свой путь на свободе с социальных низов [26]. Глубина этого «низа» зримо выражалась очень наглядно и находилась ощутимо ниже уровня земли: «Пустил меня на жительство незнакомый человек по рекомендации, дом его землянка, т.е. до половины погружен в вечную мерзлоту. Вся жилая площадь: 6х5 м разделена к тому же на три клетушки перегородками, и жили там 3 взрослых, да 3-ое детей, да еще я прибавился. Кроме того, в коридоре устроен хлев, в котором живет свинья (в том же коридоре) устроена голубятня с голубями. Я спал на полу в клетушке, исполняющей роль кухни доме...» [27]

В Инте ссыльный Ванеев незамедлительно установил переписку с родными Карсавина в Вильнюсе – с вдовой Лидией Николаевной, дочерью Сусанной и даже с Ириной Львовной, еще отбывавшей свой десятилетний срок в мордовском лагере. Вскоре они уже обращались в своих письмах к Анатолию Ванееву, как человеку близкому и родному.

* * *

Следующий период в жизни Анатолия Ванеева наступил в 1955 г., когда, вернувшись в Ленинград и получив отказ в восстановлении на химический факультет университета, он добился реабилитации и заново сдал вступительные экзамены в вуз. После года учебы на физическом факультете в пединституте им. Герцена, Ванеев перевелся в ЛГУ им. Жданова. Но в духовно-интеллектуальных интересах Анатолия Ванеева главное место по-прежнему занимал Лев Карсавин. Ученик тщательно искал и записывал все, в т.ч., казалось бы, даже совсем малозначительное, что имело отношение к жизни и творчеству своего учителя. Большинство биографических подробностей для будущего очерка о Карсавине он узнал от его вдовы, дочерей и от Елены Скржинской [28]. Они, а также Анна Андреевна Ахматова, супруга погибшего в Абези Николая Николаевича Пунина, многие крупные ученые, ставшие друзьями за годы заключения, составили круг общения семьи Ванеевых.

Первоначально характер мысли Ванеева был сформирован установкой советской системы воспитания на усвоение догматических основ Маркса-Ленина-Сталина и их определяющее значение во всех гуманитарных и даже технических сферах. Период между стремлением мыслить самостоятельно и переходом в регистр, когда в Ванеева не только возникла потребность, но и открылась способность мыслить свободно и ясно, просто выражать свою религиозную мысль, продлился на многие годы. Он шел к этому, годами вырабатывая у себя привычку подолгу сосредотачиваться на той или иной трудной идее своего учителя и продумывать ее. Поначалу он делал разрозненные записи, и только накануне пятилетия со дня смерти Карсавина, вскоре после рождения первого сына Александра, Анатолий Ванеев завел свой первый философский дневник: «Тетрадь куплена, дело только за тем, чтобы что-то в нее записывать...» [29]

Дневник заполнялся трудно и отрывочно. Тексты появлялись на его страницах короткими «очередями» с перерывом в 3-4 дня, а затем следовал заметный перерыв. Общая черта этих заметок – самокритичность: «Перечитываю себя, пытаюсь и чувствую себя как бы задетым обилием слов, постоянными повторениями, как бы кружением мысли и неприкрытыми, прямо-таки нарочно выставленными на обозрение противоречиями. Эти тавтологии и кружения мысли дают явственно почувствовать, что автор слышит внутренне, это слышание для него самодостаточно – отсюда категоричность стиля, – но высказать свое слышание так, чтобы не разрушить его цельность. Он стремится сохранить свое слышание истины живым, он сознательно пренебрегает застывшей определенностью понятий, делает их текучими, меняющимися смысл...» [30]

Постепенно темы в дневнике начинали все больше тяготеть к одному центру – к теме, в каких отношениях находятся его личное самосознание, древняя церковная традиция и современная реальность: «Почему в молитвах так много повторяющихся слов? Они очень повторяются. В этом, наверное, их объяснение: их и нужно повторять, чтобы через повторение отточенных, запечатленных в предельно насыщенную форму слов уяснялось повторяющему их учение Церкви. Они как камешки, оглаженные водой, прокатываются через сознание, а надо бы им уясниться. Потому что понимание возвышает душу. И это, может быть, единственное стойкое приобретение. Все уходит, растворяется, иссякает. Взятое же чрез понимание остается как предвестие того Царства, которому не будет конца» [31]. А вскоре при работе над текстами он выработал свой личный метод интеллектуального сосредоточения на ответственной теме: многократно редактируемые важные абзацы Ванеев не правил, зачеркивая, а часто набело и по несколько раз переписывал, внося в каждую новую запись уточнение.

Еще в лагере, а потом многие годы после Ванеев упорно создавал бесчисленные копии спасенных им работ Льва Карсавина, стремясь сберечь их от случайного уничтожения, но при этом еще и максимально тщательно воспроизводил карсавинский почерк. Вскоре он стал и его собственным настолько, что отличить оригинальные и скопированные рукописи можно только по отсутствию исправлений и особой аккуратности у Ванеева. От копии к копии, от одного переписанного собственного абзаца в другому и далее у ученика Карсавина все более открывался философский слух и оттачивалось чувство стиля. Но, главное, открывалась

способность подниматься над буквой текста и открывать потаенный от поверхностного взгляда смысл: «Идеолог православия в философии, он в творящемся мире увидел образ догм христианства, а само познание мира облек в форму метафизического учения о Совершенстве и несовершенстве. Подобно Платону, К.....н не имел «потолка». Мысль его всегда саморазвиваясь, никогда не приходит к окончательности, к системе. Каждое исследование под одним углом зрения открывает возможность нового, еще более уясняющего» [32].

Открывшись и в Анатолии Ванееве, этот редкий талант, подобный карсавинской мысли, – охватывать размышлениями сразу несколько уровней бытия или, если угодно, мыслить в обоих платоновских навигациях, привел к очень непростым последствиям для судьбы его главной книги «Два года в Абези». В привычном понимании большинства людей, каждая новая способность исключительно обогащает личность и тем приближает каждого к тому, чтобы его жизнь «завтра» стала «лучше, чем вчера» [33]. С духовной, религиозной точки зрения новые способности, таланты, а правильнее сказать, получаемые дарования (от слова «дар») обязательно сопровождаются и новыми испытаниями для человека.

* * *

Создавая свою книгу, Анатолий Ванеев мысленно вел беседу со своим учителем. На работу над рукописью его подвигли близкие друзья, появившиеся у Ванеева в 1971 г. с легкой руки выведенного к тому времени за штат священника и крупного церковного публициста в самиздате того времени отца Сергия Желудкова (1909-1984). Он-то и познакомил семью Ванеевых с очень одаренным недавним аспирантом философского факультета Ленинградского государственного университета Константином Ивановым и молодым преподавателем того же вуза Ярославом Слинным, будущим известным советским, российским логиком, феноменологом, профессором, доктором философских наук. Вскоре из этих четверых сложился уникальный кружок друзей-собеседников.

Рассказ о том, насколько друзья-собеседники опережали в своих постоянных теоретических диалогах, в постановке проблем и их разработке уровень советской философии и какое это имеет значение для современной теологии, философии, культурологии и др. теоретических дисциплин, потребовал бы отдельной статьи. В личном плане все четверо, как шутили их друзья, еще в 1970-1980-е стали «широко известными в узких кругах и не только в СССР». С содержательной точки зрения ограничимся тем, что напомним: именно Лев Карсавин еще в начале XX века предвосхитил основные подходы будущей культурологии в докторской диссертации «Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв., преимущественно в Италии» (1915/1916). Эти же культурологическую и религиозно-философскую линии он продолжил разрабатывать в незавершенном проекте «История европейской культуры». Вышло всего 6 томов (1931-1937), из которых только первый том был переведен с литовского и стал доступным русскоязычному читателю.

Наследник идей Карсавина Анатолий Ванеев вместе с друзьями разрабатывал идеи, значимость которые еще по-настоящему представляется нам одной из главных задач для теоретиков культуры. Кратко укажем на сам створ этих идей: сегодня, несмотря на получение научной легитимности теологией, все еще ощущается существенный разрыв между секулярной наукой, культурологией и появившейся в новейшей России новой теоретической дисциплиной. Не в последнюю очередь трудности в преодолении этого разрыва обусловлены инерцией старого научно-атеистического подхода, когда религиозность трактовалась как «недо-знание», равно нечто теоретически неполноценное. Устойчивость этой инерции выражается сегодня многолико: в стремлении опереться в исследованиях и трактовках исключительно на секуляризированные разделы науки, стремлении умолчать о корпусе теологических трудов на близкие темы и т.д. Это факты, но их надо осмыслить не только социологически или исторически: «Так уж сложилось!», но в самом корне проблемы. Он в том, что большинство проблем в установлении продуктивных отношений между культурологией и теологией скрыто обеспечивается существованием капитальной оппозиционной конструкции, возводимой с двух (!) сторон: в религиозной сфере феномен атеистического продолжает пониматься и трактоваться как результат греха – «маловерие» или сознательное/бессознательное содействие темным силам; в секулярной науке вера жестко противопоставляется знанию, духовное – фактической действительности.

Развивая идею Карсавина об эвристическом значении христианской догматики для развития культуры, Ванеев решительно ставил вопрос о необходимости преодоления указанной оппозиции. Он считал современный атеизм результатом последовательного развития именно христианства. Ванеев предупреждал, что религию нельзя сводить к культуре: «Перерастание религии в культуру связано с экстенсивным натуралистическим характером религиозности, оно выражает постоянное внутреннее беспокойство и ненасытность натуралистической религиозности. Религиозный натурализм в том, что абсолютное представляет себя предметно, принадлежащее субъекту с величайшим благоговением перемещают в объект. В предельном осуществлении религиозный натурализм переходит в натурализм внерелигиозный, <...> и объективная действительность предстает нашему взору как абсолютная действительность» [34]. Ванеев в данном случае имеет в виду такое понимание абсолютной действительности, при котором она есть конечный, последний пункт убедительности фактической реальности: «Она просто есть, и вопрос о том, какое отношение к миру фактической реальности имеет Бог, вообще не имеет ни какого отношения!» Расшить это фундаментальное затруднение, найти выход из тупика крайнего секуляризма или сциентизма, по убеждению Анатолия Ванеева, должна именно религиозность, раскрыв положительный смысл атеизма, осознав его как свой незавершенный этап.

Что же касается конкретной судьбы книги Ванеева о Карсавине, то для ее будущей траектории самым важным стало то, что именно трем своим друзьям Анатолий Ванеев прочитывал по мере создания фрагменты своей рукописи. Их взыскательное внимание стало своеобразной творческой топкой, выжигавшей все лишнее, и заставляющей правильнее отлить самое главное. И это же их внимание задавало высочайшую творческую планку по содержательной плотности

мысли в тексте. Абсолютный философский слух автора и трех его слушателей легко различал, «считывал» прикрытый внешним подробностями смысл. А для поверхностных читателей он так и остался потаенным. То, что у Анатолия Ванеева в тексте было обращено к совершенно особым читателям, массовой аудиторией замечено не было, книгу восприняли лишь как мемуары. Да, интересные, да важные, но только – воспоминания, «свидетельские показания об обстоятельствах». Между тем, работа Анатолия Ванеева «Два года в Абези» совсем не мемуары, о чем твердо предупреждал сам автор [35]. Ее текст движется сразу по обеим платоновским навигациям, и во второй низ них – в сфере сверхчувственного и умопостигаемого – он выталкивает и отбрасывает самонадеянную посредственность, оценивающую все с ничтожной высоты кочки своего «Я».

Не раз еще во времена самиздата и позже приходилось слышать, как такие «ценители» изрекали о книге в таком духе: «До чего же ловко этот Ванеев со своим Карсавиным и прочими устроились: читаешь и видишь, что это не про ГУЛАГ, а про какой-то замечательный интернат для особо одаренной и сверх образованной интеллигенции. Живут себе, поживают, ведут заумные речи, рассуждают о Боге, искусстве, философствуют и даже пишут стихи. Сказка, а не тюрьма!..»

Действительно, в книге «Два года в Абези» почти нет мест, где внимание Ванеева сосредотачивается на темной стороне тюремного заключения. Но будет большой наивностью считать, будто автор не испил горе через край, не прошел через тяжелые испытания. В найденном архиве сохранились фрагменты, не взятые Ванеевым в окончательную редакцию. Одного из них достаточно, чтобы на читателя этих исключенных из книги строк повеяло самым ужасным для любого человека – распадом и смертью: «Большую же часть здешних обитателей составляли старики, эта почтенная и не поддающаяся никакой управе часть человечества. Всем и по всякому поводу недовольные, ничего не стеснявшиеся, в неистощимой готовности осуждать, поучать; сидевшие без стола на своих местах, либо без дела слоняющиеся, ковыляя по всем проходам, по всякому поводу недовольные и готовые каждому сообщать о своем недовольстве. На лица некоторых из них страшно было смотреть – деформированные, искаженные с бессмысленным выцветшим взглядом.

– Почему у стариков такие страшные лица? – спросил я Карсавина.

Он, недолго подумав, сказал:

– От страха смерти. Каждый из них в своем воображении умирает за день несколько раз» [36].

А вот свое обобщенное многоплановое понимание лагерной жизни в окончательной редакции осталось. И на его примере видно, какими путями движется мысль Анатолия Ванеева: «Серое однообразие лагерной жизни, не побывав здесь, я думаю, трудно себе представить. Из живущих по ту сторону проволочного ограждения одни просто знать не хотят о нашем существовании, а другие представляют его себе главным образом со стороны экстремальных проявлений. Послушать иных, так вся наша жизнь состоит из одних экстремумов: убийств, издевательств и других ужасов. Но ведь и в повествованиях очевидцев нужно предположить в одних случаях –

склонность к охотничьим рассказам, в других – передачу фактов из третьих рук, что сопровождается схематизацией и усилением элементов, бьющих на эффект. Экстраординарные факты бывают, но, в общем, редко, и не выражают характера нашей будничной жизни. Лагерные будни имеют раз навсегда установленную формулу: подъем-поверка-уход-приход и т.п. Из дня в день крутится всегда одно и то же колесо.

Вместе с тем лагерная жизнь как бы не имеет естественной упругости. Она – как трухлявое дерево, толкнешь – и рука проходит насквозь, почти не встречая сопротивления. Пришел контролер электросети из вольнонаемных: "У вас тут никудышная проводка". "Да, у нас никудышная проводка. Исправим". Ни протеста, ни возражения. Трухлявое бытие и бессюжетная жизнь, в которой не видно ни назревания, ни развития, поэтому и рассказать об этой жизни трудно, серое не вспоминается. Движение событий в этой жизни в том, что вот был кто-то и исчез, а кто-то появился. Как невидимая пасть, которая то проглотит одного, то выплюнет другого...»[37]

Конечно, мало-мальски образованный читатель сразу расслышит в этом отрывке полемику А.А. Ванеева с А.И. Солженицыным, с его кумулятивно-разоблачающим человеческое зло «Архипелагом ГУЛАГом», но и сводящим самое дурное в такой жизни к внешнему насилию человека над человеком. В своем емком кратком пассаже Анатолий Анатольевич не соглашается с Александром Исаевичем. Он смотрит дальше и глубже большого русского писателя: правота Солженицына исторически актуальна, раз исторически, то она ограничена временными рамками. Ванеев поднимается над ограниченностью тем, что, обдумывая тему в формате вечности, обращается не только к своим современникам, но и к нам, живущим после него, и к тем, кто придет за нами. Так открывается третий, высший смысл слов Анатолия Ванеева: Жизнь только по видимости будет казаться свободной, но у каждого из нас никогда не сможет состояться духовно и останется прозябанием в невидимой тюрьме, если в ней не будет развития!

* * *

В настоящее время Анатолий Анатольевич Ванеев становится все более известен как значительный автор, писавший о прошлом и настоящем русской мысли. Помимо книги «Два дня в Абези» уже опубликованы такие его произведения, как «Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина» (доступен пользователям Интернета и читателям библиотек), статьи «Вторая новизна», «Под углом умоперемены» и др. (журнал «Символ», Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1994, №32) и др. Самые авторитетные научные российские журналы уже проявили заметный интерес к размещению на своих страница его ранее неизвестных работ, найденных в личном архиве и имеющих теоретическое значения для культурологии. Дело за главным – вниманием к работам и идеям Л.П. Карсавина и А.А. Ванеева со стороны теоретиков культуры.

Настоящая публикация приурочена к 140-летию со дня рождения и 70-летию со дня смерти Льва Платоновича Карсавина; 150-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Анатолия Анатольевича Ванеева.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Alla Sariban. Der schmale u Gott. Meine Erfahrungen im realen Sozialismus der Sowjetunion. Marthias-Grünewald-Verlag-Mains. 1989. – P. 92-93.*
- [2] Из личного письма бывшего ученика А.А. Ванеева Бориса Дмитриевича Сыромятникова В.И. Шаронову от 4 февраля 2021 г. – [Личный архив автора. – В. Ш.]
- [3] Копия аттестата об окончании полного курса обучения А.А. Ванеевым в средней школе № 20 г. Ленинграда от 23.06.1939 г. – Личный архив А.А. Ванеева, документы из него далее обозначены аббревиатурой [ЛАВ].
- [4] *Терентьева В.И. Портрет на фоне эпохи. Анатолий Ванеев (1872-1899): биографический очерк. – Шушенское, 2012. – С. 31.*
- [5] Родителями А.А. Ванеева были помощник делопроизводителя в архангельском губернском правлении Александр Степанович Ванеев и его жена Анастасия Ивановна. – [ЛАВ].
- [6] Там же.
- [7] Цит: по: *Терентьева В.И. Портрет на фоне эпохи... С. 33.*
- [8] *Товарищи в борьбе. Письма соратников В.И. Ленина. 1896-1900. – Красноярск: Книж. изд-во, 1973. – С. 262-263.*
- [9] Письмо А.А. Ванеева матери от 05.12.1954 г. из Инты. – [ЛАВ].
- [10] Организация и деятельность «Союза» (1895-1898) непосредственно предшествовали созданию Российской социал-демократической рабочей партии / РСДРП (1898), из которой выделилась группа и фракция большевиков во главе с В.И. Лениным (1903), а позже была создана коммунистическая партия (большевиков) / РКП (б) / (1918), Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) / ВКП (б) / (1925), затем переименованная в КПСС (1952).
- [11] *Терентьева В.И. Портрет на фоне эпохи... С. 31-39; Ванеев А.А. Два года в Абези. – Bruxelles: Жизнь с Богом; Paris: La presse libre, 1990. – С. 181, 187.*
- [12] *Беленький Б.П. НИИ «Гириконд» – прошлое, настоящее, будущее... (к 80-летию предприятия) // Электроника: наука, технология, бизнес. – 2019. – № 3 (184). – С. 86-91.*
- [13] Политбойцы – особая категория мобилизованных из числа членов партии и комсомольцев в задачу которых ставился подъем боевого духа личного состава на передовой. Интенсивный призыв в ряды политбойцов часто был связан с обострением боевой обстановки и наличием превосходящих сил противника.
- [14] Из письма А.А. Ванеева матери от 10.12.1942 г. Схожие утверждения часто встречаются в его письмах матери. – [ЛАВ].
- [15] Копия заявления на реабилитацию Б.Э. Глинера от 22.11.1954 г. В нем Глинер обвиняет в доносах члена СП СССР Б.Д. Четверикова и студента Первого Ленинградского мединститута Ю.А. Загарина. В одном из

писем Ванееву Глинер напоминал, что с самого начала их знакомства с Четвериковым недоумевал «по поводу его провокационных вопросов и предложений, «создававших впечатление вербовки» – [ЛАВ].

[16] Копия Заявления на реабилитацию Б.Э. Глинера от 22.11.1954 г. Как сказано в документе, искусственное объединение следствием дел Ванеева и Глинера с делом Хильды Августовны Кинк (1918-2006), будущим советским, российским историком-египтологом, работавшей тогда в школе при воинской части, позволило перевести все дела в подведомственность военной прокуратуры. – [ЛАВ].

[17] Письмо А.А. Ванеева матери от 21.04.1946 г. – [ЛАВ].

[18] Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : в 10 т. Т.6. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 566, 570.

[19] Письма Учителю. Письмо первое. Рукопись А.А. Ванеева. Без даты, предположительно ссыльного периода или же сразу после освобождения. – [ЛАВ].

[20] Письмо А.А. Ванеева матери от 16.10.1954 г. – [ЛАВ].

[21] Письмо А. А. Ванеева матери от 05.12.1954 г. – [ЛАВ].

[22] Литературным редактором книги «Два года в Абези» стал поэт Валерий Слуцкий. Он родился в 1954 г. в Даугавпилсе. Жил в Ленинграде. Закончил ЛГПИ им. Герцена (дефектология, русский язык и литература). Участник сборника «Круг» (Ленинград, 1985). В 1988-90 гг. заведовал отделом поэзии журнала «ВЕК» («Вестник еврейской культуры»). Репатриировался в Израиль в 1990 г. Живет в поселении Кдумим.

Автор поэтических книг «Стихотворения 1970-1977» (2002), «Omnia» (1993), «Новый век» (2002), а также сборника переводов «Из еврейской поэзии XX века» (2001).

[23] Рукопись А.А. Ванеева. Без даты, предположительно написана в период ссылки в Инте 1954 г. – [ЛАВ].

[24] Письмо А.А. Ванеева матери от 17.10. 1954 г. – [ЛАВ].

[25] Там же.

[26] Письмо А.А. Ванеева матери без точного дня от ноября-декабря 1954 г. – [ЛАВ].

[27] Письмо А.А. Ванеева матери от 03.11. 1954 г. – [ЛАВ].

[28] Любовь всей жизни Л.Н. Карсавина, философская муза его “Noctes Petropolitanae” Елена Чеславовна Скржинская (1894-1981), крупный советский медиевист.

[29] Философский дневник, запись от 1 июля 1957 г. С.1. – [ЛАВ].

[30] Философский дневник 1960-х – 1970 гг. Блокнот, заполненный рукописными записями. Страницы не нумерованы. – [ЛАВ].

[31] Там же. Запись датирована 14 февраля 1960 г. – [ЛАВ].

[32] Рукопись А.А. Ванеева. Без даты, предположительно написана в период ссылки в Инте 1954 г. – [ЛАВ].

[33] Припев песни «Птица счастья» на слова Н.Н. Добронравова, музыка А.Н. Пахмутовой.

[34] *Ванеев А.А.* Заметки к вопросу о религии. – [ЛАВ].

[35] В частности, в интервью Ванеева А.А. корреспонденту журнала “Крисчен Уорлд Монитор” // *Ванеев А.А.* Два года в Абези... С. 191.

[36] Папка «Материалы и записи к книге». – [ЛАВ].

[37] *Ванеев А.А.* Два года в Абези... С. 75-76.

Шаронов Владимир Иванович,

кандидат педагогических наук,

Западный филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы (Калининград)

Email: sharonovi@gmail.com

Sharonov V.

**Anatoly Vaneev: "Understanding elevates the soul"
(the history of the family and creativity of the follower Lev Karsavin)**

Abstract. *The article is the first detailed study of the life and creative path of Anatoly Vaneev, the author of the significant book "Two Years in Abezi", dedicated to the last stage of the life of the largest Russian religious philosopher, scientist and poet Lev Karsavin. Vaneev himself took place as an independent thinker and a notable figure in the history of his family and the history of the great culture of Russia. The research is based on the found personal archive of the family, which was considered lost for a long time. Most of the information is recreated on the basis of previously unknown archive documents.*

The article covers the period from the second half of the XIX century, when the grandfather of the main character, Anatoly Alexandrovich Vaneev, became close to the participants of the St. Petersburg "Union of Struggle for the Liberation of the Working Class". He became an associate and personal friend of V. I. Lenin and many major revolutionaries, was exiled to Siberia and died of tuberculosis there. During the Soviet period, he was one of the «Pantheon» of the most important figures in the history of the Communist Party.

Anatoly Vaneev went through the trials of the war, was wounded, arrested and unjustly convicted. The article shows how, despite the trials, he consistently and all his life engaged in self-education, learning to think. The meeting with Karsavin opened the gift of independent thought in Vaneev, made him a genuine thinker. His book "Two Years in Abezi" is mistakenly perceived as a memoir, it is an original portrait of Karsavin and Vaneev's own religious and philosophical reflection on life. The whole book is subordinated to the main goal – to make the reader reflect and search for the highest meaning of his life, the highest vocation of cultural creativity of each person.

Key words: *Anatoly Vaneev, Lev Karsavin, Anna Akhmatova's circle, Nikolai Punin, Erast Gliner, Russian religious Philosophy in captivity, Abez.*

Sharonov Vladimir Ivanovich,

PhD in Pedagogy,

Western branch of the Russian Academy of National Economy

and Public Administration (Kaliningrad)

© Шаронов В.И., 2022.

Статья поступила в редакцию 22.11.2022.

Url: http://cr-journal.ru/rus/journals/598.html&j_id=54